

Письмо заключенного инспектору тюрем

Я рассказал эту свою историю, когда меня схватили, но никто меня и слушать не хотел. Потом опять судьям докладывал все, как было, ни одного слова от себя не прибавил. Говорил по правде, вот как перед Богом, все по порядку, что леди Маннеринг мне сказывала и что делала и что я ей сказывал и что делал, все как есть доподлинно. А что из этого вышло? "Преступник в свое оправдание рассказал вздорную и сбивчивую историю, которая сама себе противоречит в частностях и совершенно не подтверждается установленными на суде обстоятельствами дела". Так прописала обо мне одна лондонская газета, а другие и совсем об этом не написали, словно я на суде ничего и не говорил. А я своими глазами видел убитого лорда Маннеринга, и в смерти его я так же неповинен, как любой из присяжных, что меня судили.

Так вот, господин инспектор, вы опрашиваете претензии арестантов. Теперь, значит, все дело от вас зависит. Вся моя просьба, чтобы вы прочли это, только прочли бы, а потом чтобы навели кое-где справочки об этой самой леди Маннеринг: ту же ли самую фамилию она и теперь носит, как три года назад, когда я на свою погибель ее повстречал. Можно это как-нибудь стороной разузнать или чрез чиновника какого-нибудь надежного. И наверно скоро вы кое-что услышите такое, что мою историю за пустые слова считать не будете. А подумайте, какая для вас честь и слава будет, когда все газеты писать начнут, что вашим усердием и вашим умением исправлена ужасная судебная ошибка. Это будет вашей наградой, сударь, потому что я человек бедный и от себя ничего предложить не могу. Ну, а если вы этого не сделаете, то пусть вам никогда в постели спокойно не лежится. Пусть ни одной ночи не пройдет, когда бы вам не вспомнилось, что по вашей вине гниет в тюрьме человек; гниет потому, что вы не сделали своего дела, за которое жалованье получаете. Но вы, сударь, уважите мою просьбу; я знаю это. Наведите только одну-другую справочку, и вы скоро узнаете, как ветер

дует. Вспомните также, что вся выгода от преступления была только для нее одной: после него из несчастной жены стала она богатой вдовой. Конец нитки у вас в руках; идите по ней и только смотрите, куда она вас поведет.

Заметьте, сударь: насчет грабежа я ничего не говорю. Что я заслужил, то заслужил; зато до сих пор и терпел, не жалуясь. Грабеж был, что уж говорить, и за него я три года отсидел, как по закону полагается. На суде было указано, что мои руки и раньше поработали раз на Мертонской дороге и что я уж год отсиживал, а потому и дело мое без особого внимания разбирали. Кто раз попался, того уж после всегда кое-как судят. В грабеже сознаюсь; но когда пошло насчет убийства, - ведь всякий другой судья, кроме г. Джемса, послал бы меня на виселицу, - тогда я говорю, что я тут ни при чем и в убийстве не виновен. Теперь я начну с той ночи 13 сентября 1894 года и доложу вам в точности, как все случилось; и пусть Бог меня поразит, если я хотя на вершок отступлю от истинной правды.

Летом был я в Бристоле, искал там работы и узнал, что можно найти дело в Портсмуте (я ведь был хорошим слесарем). Вот и пошел я туда пешком через южную Англию, занимаясь по дороге разной работишкой, какая попадалась. Всячески я старался избегать глухих мест по пути, потому что уж раньше отсидел год в Экзетерской тюрьме. Только уж очень трудно доставать работу, когда против твоего имени есть черная отметка. Только и удавалось кое-как перебиваться, лишь бы душа с телом не рассталась. Наконец, проработав десять дней на рубке дров да на разбивке щебня (а жалованье такое, чтобы только-только с голоду не сдохнуть), оказался я возле Солсбери с двумя шиллингами в кармане; а от сапогов и от терпенья моего совсем уже ничего не оставалось. Есть там по дороге кабачок, прозывается "Добрая Воля"; тут я и остановился на ночь. Сидел я один в распивочной, - а уж было время закрывать торговлю, только приходит хозяин, - Алленом его звали, - сел возле меня и пошел болтать про всю округу. Поговорить он любил, да чтобы его еще и слушали; поставил он мне кружку пива. Я сидел, курил да слушал. И не очень-то меня интересовали его разговоры, пока не начал он рассказывать (точно вот черт его надоумил!) о богатстве поместьем Маннеринг. "Это вы насчет большого дома перед деревней

направо? - спросил я. - Того, что стоит в парке?" - "Вот-вот! - ответил он, - я именно так и говорю, чтобы вы знали, что я говорю правду и ничего не скрываю. Длинный белый дом с колоннами, возле Бландфордской дороги".

Я видел дом, проходя мимо, и мне даже пришло в голову, что в него очень легко пробраться чрез окна подвального этажа и чрез стеклянные двери. Эту мысль я прогнал от себя; а вот теперь кабатчик снова напомнил о ней своими рассказами о богатствах поместья. Я слушал, ничего не отвечая. А рассказ все вертелся на том же.

"В молодости он был бедняком, так можете себе представить, каков он теперь. Ну, из своих денег он сумел сделать кое-что хорошее".

"Что же он мог сделать хорошего, если он их не тратит?" - спросил я.

"Деньги ему купили самую красивую жену во всей Англии. Вот вам и вышло хорошее. Только она думала, что будет их мотать, а дело-то повернулось совсем иначе".

"Кто она была раньше?" - спросил я для того, чтобы просто что-нибудь сказать.

"Раньше она была как есть ничто, пока старый лорд не сделал ее своею леди. Приехала она из Лондона, и говорили, что раньше была там в каком-то театре, только подлинно-то никто этого не знает. Старый лорд целый год был в отъезде, а когда вернулся, так с ним приехала и молодая жена. С тех пор она тут и живет. Стефан, старый дворецкий, рассказывал, что в доме-то она первое время была словно огонек. Но от грубости мужа, от постоянного одиночества, - он терпеть не может никаких гостей, - да от его язвительности - язык-то у него словно у шершня жало, - вся жизнь из нее теперь ушла; стала она бледная да молчаливая; бродит бедняга по парку одна-одинешенька. Говорят тоже, что она другого любила и только на богатство польстилась; а теперь вот и сокрушается, что возлюбленного она потеряла да и богатства не приобрела".

Вы представляете себе, как мало было для меня интересно слушать про ссоры лорда со своею леди. Какое мне было дело, если она ненавидела звук его голоса, а он, чтобы досадить ей, обвинял ее во всяких низостях и говорил с ней так, как не стал бы говорить и со своими слугами. Хозяин все

это мне рассказал да много еще и другого такого же, о чем я теперь уж не помню; не мое это было дело. А вот о чем я хотел услышать, так это где и как лорд Маннеринг держит свои деньги. Акции да текущие счета - ведь это только одна бумага, с которой больше беды, чем пользы. Вот золото да камни драгоценные - из-за этих можно пойти на риск. И, словно отвечая на мои тайные мысли, хозяин начал рассказывать, что у Маннеринга есть целое собрание золотых медалей, самое дорогое на всем свете, и что если бы все эти медали в мешок положить, так самый сильный во всей округе человек не смог бы их поднять. Тут позвала его жена, и оба мы пошли спать.

Не в оправдание себе, сударь, скажу, а для того только, чтобы вы заметили, как жестоко для меня было искушение. Полагаю, что редкий бы на моем месте против него устоял. Лежал на кровати человек без всякой надежды, без работы и с одним последним шиллингом в кармане. Пытался он быть честным, но честные люди поворачивались к нему спиной. Упрекали его в воровстве и сами же толкали его на воровство. Сбит человек с ног потоком, несет его водою, и не выплыть ему оттуда.

А тут этакий случай: большущий дом; окон в нем сколько хочешь, - в любое полезай; золотые медали, которые так легко переплавить. Это все равно, что положить перед голодным булку и надеяться, что он ее не съест.

Наконец, я поднялся, сел на край постели и дал клятву, что сегодня же буду богатым и навсегда оставлю преступления, или сегодня же снова попаду в кандалы.

Потихоньку одевшись и положив шиллинг на стол, - хозяин был ласков, и его обманывать я не хотел, - вылез я через окно в сад при гостинице.

Вокруг сада был высокий забор, и пришлось еще чрез него перелезть, а дальше никакой помехи уже не было. По дороге я никого не встретил, и железные ворота парка оказались не запертыми. В доме было совсем тихо. Светил месяц, и белые стены были ясно видны в конце аллеи. С четверть версты я прошел, пока добрался до широкой, усыпанной песком площадки перед крыльцом. Тут я остановился в тени и смотрел на длинное здание; все его окна блестели под светом месяца, и ясно был виден высокий каменный фасад. Припав к земле, я высматривал, где бы легче было пробраться внутрь.

Угловое окно казалось самым подходящим местом, так как вокруг него рос густой плющ. Под деревьями обошел я на заднюю сторону дома и стал прокрадываться в тени стены. Залаяла собака и зазвонила своей цепью; но я выждал, пока она успокоилась и снова пополз вперед к намеченному окну.

Удивительно, как неосторожны бывают люди, жившие в деревнях, подальше от городов. Им, кажется, никогда и в голову не приходит, что их могут ограбить. Без всякого злого умысла возьмешься за дверную ручку, а дверь-то перед тобой и открывается. Так неосторожно жить, по-моему, - это значит ставить искушения на пути бедного человека. На этот раз не так уж оно было скверно; а все-таки вышло, что окно заперто на одну только задвижку, которую я легко отодвинул ножом. Приоткрыв раму, просунул нож и толкнул ставню. Ставни оказались створчатые и заперты не были. Распахнув их, я влез в комнату.

"Добрый вечер! Очень приятно вас видеть!" - сказал какой-то голос.

Бывали разные случаи в моей жизни, но такого никогда еще не было. Прямо перед распахнувшейся ставней всего шагах в двух от меня стояла женщина с зажженной восковой свечкой в руке. Высокого роста, тонкая, стройная, с красивым лицом, но такая бледная, что ее можно было принять за мраморную; только волосы и глаза были черны как ночь. На ней было длинное белое платье, не то халат какой-то; и с ее бледным лицом да в этом платье она стояла передо мною, словно привидение. Колена у меня подогнулись от страха, и я должен был схватиться за ставню, чтобы удержаться на ногах. Если бы у меня хватило силы, так я бы повернулся да и утек прочь, но я только и мог стоять да смотреть на нее.

Однако она меня скоро привела в чувство.

"Не бойтесь! - сказала она; и чудно это было, как хозяйка дома говорит такие слова разбойнику. - Я видела вас в окно из спальни, когда вы прятались вон там под деревьями, и потому сошла сюда вниз и услышала, что вы здесь под окном. Если бы вы подождали, я бы вам отворила, но вы уже сами успели справиться".

В руке у меня еще был длинный складной ножик, которым я отпирал задвижку. Я был небрит и грязен после долгого скитанья по дорогам. Вообще

вряд ли бы многим пришла охота встретиться со мною с глазу на глаз, хотя бы и среди бела дня. А эта женщина смотрела на меня так приветливо, точно я был ее любовник, пришедший на условное свидание. Взяв меня за рукав, она потянула меня в глубь комнаты.

"Что это значит, барыня? Вы со мной не больно шутите, - сказал я самым грубым голосом, - а мне его не занимать. - Если вы надо мной какую-нибудь шутку сыграть хотите, так вам первой худо будет", - добавил я, показывая нож.

"Шутить над вами я не стану. Напротив, я ваш друг и хочу вам помочь".

"Извините, барыня. Поверить вам для меня трудновато. С чего бы это вдруг вы захотели мне помогать?" "У меня есть на то свои причины, - сказала она. И потом вдруг, засверкав своими черными глазами, - потому, - говорит, - что я его ненавижу, ненавижу! Да, ненавижу! Теперь понял?" Вспомнилось мне, что в гостинице хозяин рассказывал, и я понял. Взглянул я в лицо их светлости и увидел, что поверить им можно. Хотелось барыне отплатить своему мужу; хотелось по самому больному месту ударить, - значит, по карману. Так хотелось ей отомстить, что не стыдно было ей даже настолько унизиться и со мной в компанию войти, лишь бы только свое желанье-то исполнить. Были и у меня неприятели, и я тоже кое-кого ненавидел, но, кажись, даже и не понимал, какова бывает настоящая ненависть, пока не увидел лицо этой барыни, освещенное восковой свечечкой.

"Теперь вы мне поверите?" - спросила она, снова ласково трогая меня за рукав.

"Точно так, ваша светлость!" "Вы меня разве знаете?" "Могу догадаться, кто вы есть".

"Да, об моей несчастной жизни уж, кажется, по всему графству идут разговоры. Только его одного это нисколько не заботит, на всем свете его заботит только одна вещь, и ее вы сегодня получите от него. Есть с вами мешок?" "Нет, ваша светлость".

"Затворите ставни. Тогда никто не увидит света. Теперь вы в полной безопасности. Все слуги спят в другом флигеле. Я могу показать вам, где лежат самые драгоценные вещи. Всего вам не унести, а потому надо выбирать

самое лучшее".

Комната, где я оказался, была длинная и низкая; по паркетному полу были разостланы ковры и шкуры. В разных местах стояли маленькие ящики, а по стенам висели копья, мечи и разные такие штуки, которые в музеях складывают. Были еще разные чудные одежды, привезенные из диких стран, и среди них леди нашла большой кожаный мешок.

"Спальный мешок годится, - сказала она. - Теперь идите за мною, и я покажу, где лежат медали".

Как подумаешь, так словно это все во сне было: высокая, бледная хозяйка ведет меня, ночного громилу, грабить ее собственный дом. Так бы, кажется, и прыснул со смеха от этакой диковины; только в лице у барыни было что-то такое, от чего у меня смех пропал.

Точно дух, скользила она передо мною, с зеленой восковой свечкой в руках; а я шел позади с мешком. Так мы дошли до конца комнаты. Дверь была заперта, но ключ был тут же, и она провела меня дальше. Следующая комната была небольшая и вся обвешана занавесками с картинами. Вспоминается мне, что там была нарисована охота на оленя и, как свечка-то мелькала, так оно выходило, словно и лошади и собаки скачут вокруг по стенам. Кроме того был в этой комнате только целый ряд ореховых ящиков с медной отделкой. Крышки на них были стеклянные; и увидел я под стеклом те самые золотые медали; лежат они на красном бархате, рядами, блестят и переливаются. И некоторые из них такие большущие, - тарелку и толщиной чуть не в полдюйма. Пальцы-то у меня так и зачесались, и сейчас это я ножом под крышку.

"Погодите, - сказала она, задержав мою руку. - Вы можете достать кое-что лучшее".

"С меня и этого предовольно, сударыня. Дай Бог вашей светлости за доброту за вашу..." "Вы можете получить лучшее, - повторила она. - Разве золотые монеты стоят меньше, чем эти вещи?" "Деньги-то, известно, лучше всего бы!" "Так вот. Он спит как раз над нами. Нужно только подняться по лестнице. Там под его кроватью стоит ящик, и в нем столько золотых денег, что ими можно наполнить весь этот мешок".

"А как я их достану, не разбудив его?" "Что же за беда, если он

проснется! - Говоря это, она посмотрела на меня в упор. - Вы можете помешать ему крикнуть".

"Нет! Нет, сударыня, этого я не могу".

"Ну, как хотите. Судя по вашей наружности, я приняла вас за человека с твердой душой; теперь я вижу, что ошиблась. Если вы боитесь одного старика, то, конечно, вам не достать денег из-под его кровати. Вы, разумеется, лучше можете судить о своих делах, только мне кажется, что вам следовало бы выбрать для себя другое ремесло".

"Не хочу я брать убийства на свою душу".

"Вы могли бы справиться с ним, и не делая ему большого вреда. Я ни слова не говорила вам об убийстве. Деньги лежат под кроватью. Но если у вас слабое сердце, то лучше вам и не пытаться".

Так старалась она меня обработать, то соблазняя деньгами, то подсмеиваясь над моей трусостью. Наверное, я уступил бы и попытал счастья наверху; да только взглянул я ей в глаза и увидел, с какой злостью, с какой хитростью смотрит она мне в душу. И ясно мне стало, что нужен я ей для страшной мести и что не даст она мне другого исхода, как только или прикончить старика, или самому попасться. Вдруг в она почувствовала, что выдает себя. Мигом переменяла она лицо и ласково мне улыбнулась. Но было слишком поздно: я уж видел, чего мне надо опасаться.

"Наверх я не пойду, - сказал я. - Все, что мне нужно, и тут есть".

Презрительно она на меня взглянула, а потом так-то просто, как ни в чем не бывало, и говорит:

"Очень хорошо. Можете взять эти медали. Я буду рада, если вы начнете с этого конца. Если их переплавить, то ведь цена им всем, вероятно, будет одинаковая. Но здесь лежат самые редкие, а потому и самые для него дорогие. Нет надобности ломать замков: если нажмете вот эту медную пуговку, то под ней окажется секретный механизм. Вот так! Возьмите сперва вот эту маленькую; она для него дороже зеницы ока".

Один ящик был уже открыт, и медальки сверкали передо мною. Я уж взял было ту, на которую она указала, как вдруг она переменялась в лице, подняла палец и шепнула:

"Тсс! Что это?" Где-то далеко в доме слышен был легкий шум, точно кто-то шел, волоча ноги. В одну минуту она прикрыла и заперла ящик.

"Это мой муж! - шептала она. - Ничего, не тревожьтесь. Я сейчас устрою. Сюда! Живо, за шпалеры!" Она толкнула меня за раскрашенную занавеску на стене. Пустой мешок был у меня в руках. Взяв свечку, она быстро пошла в ту комнату, откуда мы раньше выходили. Со своего места я видел ее через отворенную дверь.

"Это вы, Роберт?" - крикнула она.

В конце длинной комнаты, за второй дверью, показался свет, который становился все ярче. Потом увидел я в двери лицо, большое и толстое, все в морщинах, с золотыми очками на большом горбатом носу. Чтобы лучше видеть в очки, человек этот откинул голову назад, так что нос его торчал, словно у какой-то птицы. Росту он был высокого и толстый, да халат на нем был широкий; как встал он в двери, так почти всю ее загородил. Волосы на голове были седые, курчавые, а лицо все выбрито. Губы небольшие, тонкие; мало их и видать под таким-то носом.

Он стоял там со свечою и злобно, подозрительно глядел на жену. По одному этому взгляду было видно, что он любит ее не меньше, чем она его.

"Что там такое? - спросил он. - Еще новые капризы? Зачем вы бродите по комнатам? Отчего не ложитесь спать?" "Я не могла заснуть", - ответила она ленивым, усталым голосом. Если была она актрисой, так, видно, не забыла еще своей науки.

"Я позволил бы себе заметить, - отвечал он с язвительной вежливостью, - что чистая совесть есть лучшая помощница сна".

"Это неправда, потому что вы-то спите очень хорошо".

"В моей жизни есть только одно обстоятельство, за которое я мог бы себя упрекнуть, - сказал он, и его волосы как-то сердито нахохлились, точно перья у старого попугая. - Вы сами отлично знаете, что это такое. Моя ошибка повлекла за собою и соответствующее наказание".

"Для меня так же, как и для вас. Не забывайте этого".

"Вам-то нет причины жаловаться. Я пал, а вы возвысились".

"Возвысилась?" "Конечно. Полагаю, вы не станете отрицать, что

переменить кафе-шантан на замок Маннерингов - немалый шаг вперед. Глуп я был, что извлек вас из свойственной вам сферы".

"Если вы так думаете, то почему не разведетесь?" "Потому что скрытое несчастье лучше общественного унижения. Потому что легче страдать от своей ошибки, чем признаться в ней. А также и потому, что мне нравится держать вас у себя перед глазами и знать, что вы не можете вернуться к нему".

"Вы злодей. Вы гадкий злодей!" "Так, так, сударыня! Я знаю ваше тайное желание, только, пока я жив, оно не исполнится. А уж если суждено тому быть после моей смерти, то во всяком случае я со своей стороны приму все меры, чтобы вы вернулись к нему не иначе, как нищей. Вы и ваш милый Эдуард никогда не будете иметь удовольствия проматывать мои сбережения. В этом, сударыня, вы можете быть вполне уверены! Почему это окно и ставни открыты?" "Ночь слишком душная".

"Это небезопасно. Почему вы знаете, что тут поблизости нет какого-нибудь бродяги. Разве вам неизвестно, что моя коллекция медалей - самая дорогая во всем мире? Вы и дверь не закрыли тоже. Так очень легко могут обокрасть мои ящики".

"Ведь я же тут была".

"Я знаю, что вы были; я слышал, как вы ходили в медальной комнате, а потому и спустился вниз. Что вы там делали?" "Рассматривала медали".

"Эта любознательность есть нечто для меня новое". - Он посмотрел на нее подозрительно и пошел в следующую комнату.

Она шла рядом с ним.

В это время увидал я такое, что меня поразило. Ножик мой складной остался на крышке одного из ящиков и лежал как раз на виду. Она заметила это раньше его и с женской хитростью протянула свою свечу так, что свет пришелся между ножом и глазами лорда Маннеринга.левой рукой взяла она нож и спрятала в складках платья. Старик переходил от одного ящика к другому (была одна минута, когда я мог схватить его за нос), но не было никаких следов, что медали кто-нибудь трогал. Продолжая ворчать и брюзжать, он опять уполз в другую комнату.

Теперь я должен рассказать о том, что я скорее слышал, чем видел. Но

клянусь вам Создателем, что говорить буду истинную правду.

Когда они вышли в другую комнату, я видел, как он поставил свечу на угол стола, а сам сел, но так, что мне уж его не было видно. Она ходила сзади него; думаю это потому, что большая широкая тень ее двигалась по полу передним; значит, свечка, с которой она ходила, была за его спиной.

Опять начал он говорить о том человеке, которого называл Эдуардом, и каждое его слово было словно едкая капля купоросного масла. Говорил он тихо, и я не мог всего расслышать, но некоторые слова до меня доходили, и, должно быть, они ее как плетью хлестали. Сперва она горячо ему отвечала, потом смолкла. А он тем же спокойным, насмешливым голосом все тянул свою песню, подразнивая, оскорбляя и терзая свою жену. И даже удивительно было мне, как это она могла молча его слушать.

Вдруг слышу я, он этак резко говорит:

"Не стойте за моей спиной! Пустите воротник! Что? Смеее вы меня ударить?" Был тут какой-то звук вроде мягкого удара и, слышу, он кричит:

"Боже мой, это кровь!" Зашаркал он ногами, как будто хотел встать. А тут другой удар и опять его крик:

"А, чертовка!" И затих. Только на пол что-то капало да шлепало.

Выскочил я из своей щели и кинулся в другую комнату, а самого так и трясет от страха.

Старик как-то провалился в кресле; халат его сбился кверху, точно у него на спине огромный горб вырос, голова с золотыми очками, которые все еще на носу сидели, наклонилась набок, а рот открыт, словно у мертвой рыбы. Я не видел, откуда шла кровь, но слышал, как она еще капала на пол.

За спиной старика стояла она, и свет падал прямо ей в лицо. Губы были сжаты, глаза сверкали, и на щеках даже краска появилась. Только этого-то как раз ей и не хватало, чтобы стать самой красивой из всех барынь, каких мне только на своем веку видать приходилось.

"Покончили с ним?" - спросил я.

"Да, - ответила она совсем спокойно, - теперь я с этим покончила".

"Что вы будете делать? Ведь вас осудят за убийство, это уж наверняка".

"За меня не беспокойтесь. Мне незачем жить и не все ли мне равно! Помогите мне посадить его в кресле прямо. Очень уж страшно видеть его в таком положении".

Так я и сделал, хоть и похолодел весь, как до него дотронулся. На руку мне попала кровь, и жутко мне от нее стало.

"Теперь, - сказала она, - вы можете владеть этими медалями, как всякий другой. Берите их и уходите".

"Не надо мне их! Только бы мне отсюда выбраться поскорее. Никогда я еще я в такие дела не попадал".

"Вздор! - сказала она. - Вы пришли сюда за медалями, и вот они в вашем распоряжении. Почему вам их не взять? Никто ведь вам не мешает".

Мешок еще был у меня в руке. Она открыла ящик, и мы живо вместе набросали в мешок штук сотню. Все они были из одного ящика; но ждать других я уж был не в силах и бросился к окошку. После всего, что я в этом доме видел и слышал, мне казалось, что и воздух-то в нем какой-то отравленный. Глянул я назад, смотрю, стоит она - высокая, стройная, точно такая же, как в первый раз я ее увидал. Махнула она мне приветливо рукой, я ей тоже - и выпрыгнул в окно на песчаную дорожку.

Благодарю Бога, что, положа руку на сердце, могу считать себя невиновным в убийстве; но если бы я умел читать в сердце и в мыслях этой женщины, то, пожалуй, было бы иначе. Если бы я понимал, что было спрятано за ее последней улыбкой, то в доме вместо одного трупа наверное осталось два. Но в ту пору у меня в мыслях только и было, как бы поскорее удрать да подальше. А что она мне петлю на шею надевает, - этого мне и в голову не приходило. Не успел я и пяти шагов отойти от дома по знакомой дорожке, как вдруг слышу крик, да какой! Кажется, весь приход от него проснуться мог.

Да еще, да еще!

"Разбойники! - кричит, - Убийцы! Убийцы! Помогите!" В тихую-то ночь эти крики летели, летели и звонко разносились по всей округе. Визгом этим ужасным мне голову так и просверлило. Мигом замелькали огни, начали хлопать окна и не только в доме, что был позади, но и в службах, и на конном дворе, которые были передо мною. Как пуганый заяц пустился я наутек

по аллее, но не успел еще добежать до ворот, - слышу там стук: их кто-то запирает. Сунув мешок с медалями под кучу хвороста, попробовал я бежать через парк; но кто-то увидел меня при свете месяца, и человек шесть погнались за мною, да еще собак пустили. Залез я под терновник, скорчился там и лег, но собаки проклятые и там достали; даже и рад был, когда набежали люди и помешали в клочки меня разорвать.

Конечно, меня схватили и потащили назад в ту комнату, откуда я только что ушел.

"Не этот ли, ваша светлость?" - спросил старший, как потом оказалось, дворецкий.

Она сидела, наклонясь над трупом и прижав платок к глазам. Обернулась она на меня и лицо сделала, что твоя ведьма. Эх, да и ловкая же актриса была эта барыня!

"Да, да! Этот самый! - закричала сна. - О, злодей, жестокий злодей! Так поступить с бедным стариком!" Был там один человек, похожий на полицейского стражника. Он положил руку мне на плечо и спросил меня: "Что на это скажете?" "Не я это сделал, а она сама!" - крикнул я, показывая на женщину, которая смотрела прямо на меня, и хоть бы что! И глаз не опускала.

"Ну, ну! Попробуйте соврать что-нибудь поскладнее", - сказал полицейский, а один из слуг треснул меня кулаком.

"Говорю вам, что я видел, как она это сделала. Она два раза ударила его ножом. Сперва она помогла мне его обокрасть, а потом его убила".

Лакей хотел ударить меня снова, но она подняла руку:

"Не трогайте его! Закон и без нас его накажет".

"Я приму меры, ваша светлость! - сказал полицейский. - Ваша светлость изволили видеть, как было совершено преступление?" "Да, да! Видела своими глазами. Это было ужасно! Мы услышали шум и спустились вниз. Бедный муж мой шел впереди. Этот человек стоял у открытого ящика и, держа в руках черный кожаный мешок, бросал туда медали. Он бросился бежать мимо нас, а муж его схватил. Произошла борьба, и он дважды ударил мужа ножом. Вот, видите, у него кровь на руках. Если я не ошибаюсь, нож так и остался в

теле лорда Маннеринга".

"Да взгляните вы на кровь на ее-то руках", - сказал я.

"Она держала голову его светлости, негодяй ты этакий!" - крикнул дворецкий.

"А вот и тот самый мешок, о котором ее светлость говорила, - сказал полицейский, увидав, как конюший мальчишка втащил мешок, брошенный мною при бегстве. - Тут и медали в нем есть. Этого для меня достаточно! Ночью мы его здесь будем караулить, а утром с надсмотрщиком свезем его в Солсбери".

"Бедный! - сказала женщина, - я со своей стороны прощаю ему вину, которую он совершил против меня. Как знать, что довело его до преступления. Совесть и закон покарают его достаточно; и ни единым своим упреком я не хочу отягчать горькую его участь".

Я ничего и сказать не мог. Поверьте, господин, так-таки ни слова больше сказать не мог. До того меня пришибла самоуверенность этой женщины. А по молчанию моему, конечно, люди поверили, что она и правду говорит. Дворецкий да полицейский уволокли меня в погреб и заперли там на ночь.

Так вот, сударь, рассказал я вам доподлинно всю историю, как в ночь на 14 сентября 1894 года лорд Маннеринг был убит своей женой. Быть может, вы не пожелаете и внимания обратить на мои слова, как то уже сделали сперва полицейский, а потом судья. А быть может вы найдете в них кое-что похожее на правду, произведете дознание и навеки приобретете себе славу человека, который не боится личных неприятностей, лишь бы только правосудие восторжествовало. На вас одного вся моя надежда, сударь. Если снимете вы с меня клеймо убийцы, буду я вам предан так, как никогда один человек другому предан не был. А если вы меня покинете, так вот клянусь вам спасением души своей, что через месяц от сего числа повешусь я на оконной решетке своей камеры, и если только мертвецы могут возвращаться на землю, буду приходить я к вам каждую ночь, и не найдете вы покоя во сне.

О чем я вас прошу, - совсем простое дело. Наведите справки об этой женщине, последите за ней, узнайте о ее прошлом, разведайте, как она распоряжается деньгами, которые ей достались, и нет ли там Эдуарда, о

котором я поминал. Если из всего этого вы узнаете, какова она на самом деле есть, или увидите, что история, которую я вам рассказал, чем-нибудь подтверждается, то я уверен, что ваше доброе сердце не позволит оставить меня без внимания. Я знаю, вы тогда придете и спасете невинного человека.